

шим образом, со множеством примеров тургеневской передачи гоголевского текста по-французски освещает сложный вопрос о степени участия русского писателя в издании «Русских новелл» Н. В. Гоголя, осуществленном Луи Виардо в Париже в 1845 году. Участие Тургенева в этом предприятии было весьма значительным, включая и перевод «Тараса Бульбы», которому в главе уделяется немало места. Успех перевода гоголевских повестей, изданных Луи Виардо, «был бы невозможен без участия Тургенева», — делает вывод Кафанов (с. 422). «Без инициативы Тургенева, вызванной его большой любовью к Гоголю, его рецепция во

Франции началась бы позже и была бы, наверное, иной» — это заключительные слова монографии.

Как очевидно, книга Доманского и Кафановой являет читателю композиционную стройность не только на уровне изложения материала, но и на уровне исследовательской мысли, предполагающей синтетичность предмета исследования. Монография содержит черно-белые и цветные иллюстрации (но, к сожалению, лишена списка иллюстраций) и снабжена обширным именованным указателем. Хочется отметить и полиграфические достоинства издания.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-211-213

© Т. В. Игошева

«РУССКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ»: НОВОЕ О ВЯЧЕСЛАВЕ ИВАНОВЕ*

Изучение творческого наследия крупнейшего поэта и мыслителя начала XX века Вяч. Иванова после трех десятков лет интенсивной исследовательской работы переживает период определенного обобщения. Однако наряду с подведением итогов продолжается процесс архивных открытий, обнаружения новых граней уже известного, изучения поэтики, междисциплинарных связей и т. д. В этом отношении обращает на себя издание, вышедшее в 2018 году: очередной, третий, выпуск сборника исследований и материалов, посвященный Вяч. Иванову, которое увидело свет благодаря усилиям как международного коллектива авторов, так и составителей и ответственных редакторов — С. В. Федотовой и А. Б. Шишкина.

В согласии с определением Вяч. Иванова как «человека с универсальной культурой» (Н. А. Бердяев) рецензируемый сборник разделен на три основных раздела, в которых отражена многогранность личности русского поэта и мыслителя.

Первый раздел, обращенный к философии и поэзии Иванова, открывает статья В. В. Петрова,¹ анализирующая онтологические пред-

ставления русского символиста. В центре внимания исследователя находится «Сон Мелампа» (1907), философская и мистическая поэма из книги «*Cor Ardens*».

Задача статьи — расширить источниковую базу «Сна Мелампа». В согласии с поставленной задачей поэма рассматривается в контексте трудов В. Вундта, К. Дюпреля, Р. Штейнера. Но особо в этом ряду выделен Эдуард Шюре с его знаменитой книгой «Великие посвященные»: автор статьи полагает, что «Сон Мелампа» «создан как поэтическое переложение этого прозаического источника» (с. 33). Среди «заимствований» Ивановым у Шюре предлагается увидеть сюжетно-композиционный прием сна, после которого посвящаемый в тайны бытия и у Шюре, и у Иванова смотрит на мир другими глазами. Другим источником для «Сна Мелампа» Петров предлагает считать учение Р. Штейнера, а точнее теософские представления Штейнера, высказанные им в 1905 году, о «четвертом измерении», «трактуемом как область астральной реальности, зеркальной по отношению к трехмерному физическому миру» (с. 61). Мотив зеркального отражения лика действительно получил свое развитие в «Сне Мелампа», но образ зеркала присутствует уже в древнем мифе, а не только у Штейнера. У Вяч. Иванова важным является семантика лживости, обманности, дробной множественности отражения единого лика, которая отсутствует в теософской концепции Штейнера. Хочется подчеркнуть: возведение ключевой идеи «Сна Мелампа» о временном потоке и противопотоке через мотив зеркальности исключительно к идеям Штейнера выглядит несколько категоричным. Скорее соглашаешься с мыслью Р. И. Соколова

* Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3 / Сост. С. В. Федотова, А. Б. Шишкин. 480 с.

¹ Предшествующую статью Петрова, являющую источником «Сна Мелампа» Вяч. Иванова, см.: Петров В. В. «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // Историческое и надвременное у Вяч. Иванова: к 150-летию Вяч. Иванова. Десятая международная конференция / Под ред. М. Плюхановой и А. Шишкина. Салерно, 2017. С. 23–54 (Europa Orientalis, 29).

о «Сне Мелампа» как палимпсесте,² комплекс идей которого имеет полигенетический характер, не позволяющий возводить ту или иную идею исключительно к одному автору.

Небольшая статья И. А. Едошиной «Эллиническими тропами Вячеслава Иванова и Павла Флоренского» обращена к лекциям «Из истории античной философии» П. Флоренского, прочитанным в Московской духовной академии в 1909 году. Они интересуют автора статьи прежде всего с точки зрения цитирования Флоренским в своих лекциях текстов духовно близкого ему поэта Вяч. Иванова. По утверждению Едошиной, эта близость зиждется на восприятии сущности бытия как абсолютной реальности, недоступной для сознания, замкнутого на эмпирическом восприятии мира.

О. В. Богданова в статье «Вячеслав Иванов: у истоков науки о Достоевском» рассматривает точку зрения поэта-символиста на широком фоне религиозно-философского интереса к Достоевскому в начале XX века. Основной тезис Богдановой: Вяч. Иванов в своих взглядах на Достоевского занимает позицию медиатора между собственно религиозно-философской трактовкой Достоевского (Д. С. Мережковский, А. Л. Волынский и др.) и методологией, ориентирующейся на неокантианские идеи (Б. М. Энгельгардт, Л. П. Гроссман, М. М. Бахтин и др.).

Заключает первый раздел статья Е. А. Тахо-Годи, обращенная к «Повести о Светомире царевиче». Это произведение интересует автора статьи как с историсофской позиции (идея «третьего Рима» и «вечного Рима»), так и с точки зрения интертекстуальности. В статье пунктирно представлены обоснования в пользу того, что источником для «Повести о Светомире...» является не только артуровский цикл, но и южнославянские тексты. При этом, как подчеркивает Тахо-Годи, Иванов выбирает «международные» сюжетные ходы, поскольку они «отражают метафизическую мечту об идеальном правителе, о небесном Граде, о преобладающем мир синтезе Запада и Востока» (с. 99).

Во второй раздел сборника помещен ряд работ, посвященных музыкальной и театральной эстетике Иванова. В статье польского исследователя А. Дудека речь идет об ивановских музыкальных представлениях: для него музыка — физическое выражение гармонии, которая на рубеже XIX–XX веков понималась композиторами и музыкантами-символистами (М. К. Чюрленис, А. Н. Скрябин и др.) как инструмент для особого «подключения» к «духу музыки», той метафизической основе мира, которая являет всеединство бытия. «Синтез искусств» — не цель, а путь к гармонии, что хорошо понимал Вяч. Иванов.

² Соколов Р. И. «Глубинного сердца биенье»: «Сон Мелампа» Вяч. Иванова // Славянские чтения П. Даугавпилс; Резекне, 2002. С. 102–107.

С несколько другой точки зрения тему «Вячеслав Иванов и музыка» продолжает работа музыковеда М. А. Карачевской «Поэзия Вячеслава Иванова в музыкальных „Стихотворениях“ Михаила Гнесина», где реконструируются взаимоотношения Вяч. Иванова и М. Ф. Гнесина, чье знакомство состоялось в 1906 году. По замечанию Карачевской, Иванова заинтересовала теория музыкального чтения в драме, которую Гнесин разрабатывал в начале 1900-х годов. Кроме того, в статье подвергаются музыковедческому анализу те вокальные сочинения Гнесина 1910-х годов, для которых тексты из «*Cor ardens*» Вяч. Иванова послужили литературным источником («Розариум», «Сад Нимф», три пьесы из сборника «Посвящения»).

Еще одна статья, в которой анализируется лирика Вяч. Иванова, воссозданная в музыкальном творчестве Н. Я. Мясковского, принадлежит музыковеду Д. М. Мамедовой. В центре ее внимания вокальный цикл Мясковского «Три наброска», литературной основой которого стали три стихотворения Вяч. Иванова из его книги «Прозрачность: «Долина — храм», «Пан и Психея», «Гроза».

С. В. Стахорский посвятил свою работу «Архаические паттерны театра в трудах Вяч. Иванова» критическому разбору театральных понятий, участвующих в теоретических построениях Иванова. В статье Н. А. Вагановой «Концепция телимонотеизма Вяч. Иванова и религиозная мистерия будущего» предпринята попытка реконструировать ивановские взгляды, с одной стороны, на древнюю трагедию, с другой — на религиозную мистику будущего, «оглядывающуюся» на античность. Согласно этой реконструкции, Вяч. Иванов наделяет трагедийное искусство «женской душой»: трагедия, восходящая к ритуально-обрядовым религиозным практикам, несет в себе память о первоначальной религии, в основе которой лежит идея телимонотеизма (женского единобожия).

Раздел «Поэтика. Стихование» включает в себя работы, исследующие разные грани творчества Иванова-поэта. А. Г. Грек рассматривает поэтику музыкальности в лирике Иванова. Анализ стихотворения «Музыка» (сб. «Кормчие звезды») демонстрирует ряд закономерностей лексико-грамматической и фонетической организации этого лирического произведения.

Малоизученному аспекту ивановедения посвящена статья С. Д. Титаренко, которую интересует воздействие на Иванова художника-праерафаэлиты Д. Г. Россетти. В центре статьи — стихотворение «Зеркало Эроса» из сборника «Кормчие звезды»: в качестве мотива, объединяющего творчество разных авторов, определяется мистический мотив слияния и полета двух душ. Процессы «истолкования ключевых произведений Вяч. Иванова» посвящена и работа М. Цимборской-Лебоды. Ее внимание обращено к стихотворению Иванова «Eden» (замыкающему его «Rosarium»), с точки зре-

ния самых значимых топосов поэзии Иванова, среди которых особо выделяется топос рая/Эдема, интерпретируемого исследовательницей сразу в нескольких религиозно-мистериальных смысловых контекстах.

Л. В. Павлова предлагает принципиально новую методику изучения творчества Вяч. Иванова (компьютерная обработка текстов с помощью программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»). По мнению Павловой, современные технологии позволяют исследователю «обнажить некоторые глубоко скрытые механизмы построения поэтического текста» (с. 230), которые не фиксируются иными способами.

Л. Г. Каяниди интересуется прежде всего пространственно-мифологическая модель и ее трансформации в творчестве Иванова: «Художественное пространство у Иванова представляет собой три сферы: эмпирическую, мистическую и мифологическую» (с. 232). Данная модель, с точки зрения Каяниди, является универсальной для поэзии Вяч. Иванова, что подтверждает его анализ двух значимых произведений Иванова: «Сон Мелампа» и «Прометей».

Завершают третий раздел две стиховедческие статьи: «Газзлы Вячеслава Иванова» Ю. Б. Орлицкого и «Семистишия в строфическом репертуаре Вячеслава Иванова: на пути к полусонетам» О. И. Федотова. Обе работы обращены к достаточно экзотическому стиховому материалу, демонстрирующему экспериментаторскую направленность Иванова-поэта.

Блок «Biografica» богат архивными находками, материалами, расширяющими и дополняющими современное знание о жизни Вяч. Иванова. Данный раздел открывает М. Вахтель статьей, продолжающей его разыскания о студенческих годах жизни Вяч. Иванова в Берлине. В ней представлены находки из архива Университета им. Гумбольдта: наиболее интересная из них — отзыв Т. Моммзена на диссертацию Иванова. Этот документ по-новому освещает взаимоотношения русского студента и прославленного немецкого ученого-историка.

Важное значение для реконструкции событий 1913–1916 годов в жизни Вяч. Иванова и его семьи имеет материал, публикуемый А. Л. Соболевым: он, несомненно, окажет большое содействие будущему составителю Летописи жизни и творчества Вяч. Иванова.

Еще одна страница жизни Вяч. Иванова детально раскрывается Е. В. Глухой. Просветительская деятельность первых лет советской власти, в которой принимал участие Иванов, велась в том числе и в клубе «Красный петух», организованном по инициативе ТЕО Наркомпроса. Важным документом, свидетельствующим о деятельности Иванова в этом клубе, является стенограмма лекции «Происхождение греческой трагедии», прочитанной им 17 февраля 1919 года, которую публикует Е. В. Глухова в качестве приложения к статье.

Завершает раздел статья С. В. Федотовой, в которой решается задача выявления биографического и творческого подтекста эпиграммы Вяч. Иванова 1919 года, оставленной им на страницах знаменитой «Чукоккалы».

В заключительном разделе «Miscellanea» вводятся в научный оборот новые материалы разного характера. Г. В. Обатнин публикует новонайденную запись Вяч. Иванова о философии Э. Гуссерля, отталкиваясь от которой исследователь создает реконструкцию опосредованных контактов Иванова с феноменологией Гуссерля.

К. Ю. Лаппо-Данилевский представил публикацию шести переводов Иванова из лирики Ш. Пётефи. В преамбуле, предшествующей публикации, высказано предположение о том, что этот перевод был выполнен в начале 1910-х годов для антологии, планировавшейся издательством Сабашниковых.

Завершает сборник статья А. Б. Шишкина «Новонайденный портрет Вяч. Иванова работы М. Сабашниковой», в которой идет речь о творческом проекте художницы — задуманной ею книге-альбоме с портретами деятелей культуры начала XX века, среди которых предполагалось поместить и портрет Иванова. Автору статьи удалось найти сохранившееся клише портрета Вяч. Иванова, которое помещено в сборнике (с. 455). По мнению А. Б. Шишкина, Сабашникова стремилась воплотить в портрете Иванова символическую формулу «лик — лицо — личина».

Подводя итог, необходимо сказать, что авторский коллектив третьего выпуска сборника «Вячеслав Иванов. Исследования и материалы» сделал значительный вклад в исследование символизма как исторической формы духовной жизни в России начала XX века в целом и в изучение жизни и творчества крупнейшего поэта-символиста Вяч. Иванова в частности.